

ЭО, 2010 г., № 6

© М.С.-Г. Албогачиева, И.Л. Бабич

**КРОВНАЯ МЕСТЬ
В СОВРЕМЕННОЙ ИНГУШЕТИИ**

Ключевые слова: кровная месть, ингуши, похищение невест, примирительные камеры, шариат, имамы, выплаты компенсаций, выселение семьи виновного, кровники, Аушев, история, стадии мести

В предлагаемой статье, на основе собранного авторами этнографического материала в одной из республик Северного Кавказа – Ингушетии, рассмотрена история и современное состояние такого важного института обычного права, как кровная месть и формы ее урегулирования. В работе показаны особенности объекта и субъекта кровной мести в ингушском обществе, а также формы урегулирования конфликтов, связанных с кровной местью. Особая роль в этом процессе принадлежит современным имамам, которые часто становятся членами примирительных комиссий. Авторы останавливаются на таком важном средстве ослабления мести, как переселение (временное или постоянное) в другое место семьи виновного. В статье рассматриваются этикет кровников и процедура их примирения, а также факторы, облегчающие примирение “кровников”. Опираясь на современные полевые этнографические материалы, в предлагаемой статье авторы постарались показать “живучесть” сложного и противоречивого института обычного права – кровной мести, который, с одной стороны, безусловно, продолжает оставаться инструментом формирования традиционных отношений в ингушском обществе, а с другой, стал мощным сдерживающим фактором успешного экономического и культурного развития республики Ингушетия.

В современной Ингушетии – одной из республик Северного Кавказа – реформа государственных судебных органов осуществлялась одновременно с изменениями, которые происходили по всей России. Между тем со второй половины 1990-х годов в республике начались и собственные правовые преобразования, связанные с попытками республиканских властей внедрить в урегулирование различных конфликтов, в том числе и серьезных, связанных с кровной местью, ряд норм как обычного (адата), так и мусульманского (шариата) права.

Злободневный вопрос, постоянно тревожащий население Ингушетии, – кровная месть, с которой ингуши боролись и борются на протяжении последних двух веков. Все это время в Ингушетии действовали примирительные комиссии, которые функционируют и поныне во всех населенных пунктах республики.

Началось все с того, что на традиционную правовую систему, сложившуюся в течение столетий и включавшую в себя нормы адата и шариата, обратил внимание президент Республики Ингушетия Р.С. Аушев, издавший ряд постановлений и нормативных актов, регулирующих правовую жизнь ингушей с учетом правовых традиций народа. Так, его распоряжением 6 сентября 1995 г. были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести. 15 сентября того же года президент утвердил “Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести” (Патиев 2007: 307). Позднее в местную судебную и нормативную систему был

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева – научный сотрудник отдела Кавказа Музея этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург); e-mail: Makka Al-bogachieva@kustkamer.ru

Ирина Леонидовна Бабич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН e-mail: irina@babichl.net

введен документ “О некоторых вопросах государственной регистрации заключения браков” (19 сентября 1999 г.) и закон “О шариатском суде” (1999 г.).

В настоящей статье на основе собранного М.С.-Г. Албогачиевой этнографического материала в Ингушетии будет рассмотрена история и современное состояние такого важного института обычного права, как кровная месть, и формы его бытования.

Кровная месть изначально являлась механизмом реагирования на нарушение социальных установлений, предотвращала многие инциденты, потому что человек рассматривался не сам по себе, а как часть “целого”. Объект посягательства перемещался с человека на родовые отношения, внутри которых он находился. Этот обычай сохранил в себе дух древних времен, когда народы жили вне государства и этот обычай выполнял роль государственного института, регулировавшего взаимоотношения между членами общины, – предотвращал преступления и способствовал наказанию преступников.

Убийство, совершенное даже по неосторожности, непременно порождает другое, так как родственники убитого мстят за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется кровной мстью или враждою (ингуш. *дов*), а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, называются кровниками или состоящими в кровной вражде (ингуш. *довхой*) (Очерки 1967: 145).

У ингушей, как и у всех народов Кавказа, обычай кровной мести (ингуш. *чир, пха*) существовал в прошлые времена и сохраняется отчасти в современном ингушском обществе. Шотландские миссионеры в 1822 г. так описывали ингушей: “Между ними нет почти ни одного пришедшего в полный возраст человека, который не был бы виновен в пролитии крови или не искал отмищения в том за родственника своего или приятеля” (РГИА 797: 19–19об). В прежние века кровная месть не имела срока давности, “обыкновение мстить за кровь, простирается иногда по 20 и более лет” (Акты... 1866: IV-628: 457). Бывали случаи, когда месть была осуществлена через 50 или 100 лет, даже если виновник смерти и его близкие родственники умерли. Поэтому у кавказских народов считается, что лучше решить все вопросы, связанные с кровной мстью, как можно быстрее, чтобы потомкам жилось спокойно.

Формы кровной мести имели в Ингушетии свои особенности. Так, в середине XIX в. за злостное убийство, прелюбодеяние, клятвopеcтyпленне, за рубку грушевого дерева (оно считалось священным), насилие в отношении женщины или гостя и за другие антиобщественные поступки по решению старейшин объявлялось проклятие. Исполнение этого обычая заключалось в публичном оглашении проклятия. При этом в большинстве районов Ингушетии и Чечни почти все взрослое население било палками по медным тазам, кастрюлям, подносам и стреляло из огнестрельного оружия, громко выкрикивая проклятия преступнику. Проклятия объявлялись как известному, так и анонимному преступнику. В некоторых случаях для лучшего воздействия на массы возле дорог устраивали своеобразные памятники преступнику – большие кучи (*карлаги*) из камней, комков земли или щепок. Каждый прохожий должен был, проклиная совершившего преступления, “бросить в эту кучу что-нибудь из перечисленных предметов” (Очерки 1967: 284).

Кровная месть – древний обычай горцев Северного Кавказа стал важной частью современной жизни Ингушетии. В 2006 г. более 180 семей в республике находились в состоянии “кровной вражды”. Несмотря на попытки примирить “кровников”, многие из них не могут это сделать: в нынешнее время между собой враждуют 86 тайпов. В каждый из них входит несколько семей, а это сотни и даже тысячи человек (ПМА). Центрами примирения в последнее время становятся мечети. Здесь после короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: “Я прощаю тебя” (*Аз пха битар хIона*), обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром.

Субъект мести. В прежние века кровную месть осуществлял кто-либо из членов семьи, рода, к которому принадлежал убитый, или племянники как по мужской, так

и по женской линии. В настоящее время члены рода не мстят. Эта обязанность распространяется только на сыновей, однако если покойный был бездетен, – на родных братьев убитого или племянников.

Объект мести. Кровная месть – принцип, согласно которому человек, совершивший убийство, либо кто-то из членов его семьи, рода, племени обязательно должен быть лишен жизни в порядке возмездия, а не правосудия.

Если совершено групповое убийство, то по ингушскому адату кровную месть могут объявить всем участникам. Однако это адатное правило ныне дополняется законами шариата, согласно которым “кровником”, по мнению местных имамов, может считаться лишь тот, кто является непосредственным исполнителем убийства, а соучастники, которые могли активно содействовать преступлению, не становятся объектами мести в Ингушетии (ПМА).

Тем не менее в наше время ни законы адата, ни законы шариата в отношении выбора объекта мести зачастую не могут быть выполнены вообще. В последние годы в республике от террористических актов погибло значительное количество людей. Как отмечают родные и близкие убитых, “самое страшное для нас то, что кровь останется не отомщенной и не прощенной”. Согласно Корану и сунне, прощение крови убитого ради Аллаха – самое богоугодное дело, но многие лишены этой добродетели, так как убийца неизвестен (ПМА).

Когда кровник умирает естественной смертью, не дождавшись ни мести, ни прощения, под удар попадают его ближайшие родственники – отец, брат, сын, внук, а если таковых нет, то другие родственники-мужчины, преимущественно племянники покойного.

Формы урегулирования конфликтов, связанных с кровной местью. Центрами примирения, как указывалось выше, в последнее время становятся мечети. Здесь после короткой молитвы бывшие кровные враги говорят: “Я прощаю тебя” (*аз пха битар хIона*), обнимают друг друга, благодарят и расходятся с миром. Деятельность исламских лидеров и старейшин по примирению кровников была поддержана нынешним президентом Республики Ингушетия Юнус-Бекком Евкуровым с целью искоренения обычая кровной мести. Он сам старается быть посредником во время примирения; провел встречу с главами нескольких враждующих кланов, призвав их к миру и прощению обидчиков. В последний период примирилось около 10 пар кровников. Президент Евкуров, возглавив республику, заявил, что за год попытается примирить все враждующие тайпы республики, однако сделать ему это не удалось (ПМА).

Местные имамы мечетей всегда принимают активное участие в примирении враждующих сторон. Одним из них был умерший Суламбек Евлоев, который всю свою жизнь участвовал в решении многих спорных вопросов, состоял в примирительной комиссии и был членом шариатского суда. Среди нынешних имамов можно назвать Хазира и Сайфудина Цолоевых, Магомеда Чибиева, Макшарипа Султыгова, Султана Белхароева, Сасурко Латырова, Асхаба Барахоева и др.

Рассмотрим конкретный случай, показывающий связь между институтом кровной мести как обычно-правовым явлением и исламом как сложной системой морали и права. В середине 1980-х годов в ингушском селении произошло убийство. Пятеро мужчин, имея недобрый умысел, вызвали из дома якобы для личной встречи гражданина Б. и стали его избивать. В результате этой драки один из нападавших, а именно гражданин С., умер. Б. пришел в милицию с повинной. Его осудили на 8 лет, однако после повторного расследования мера пресечения была изменена и вынесен иной приговор: два года заключения за превышение необходимой обороны. Старейшины и авторитетные люди – члены примирительной комиссии селения – пытались примирить стороны, однако пострадавшие объявили о кровной мести семье виновного. В результате главы семей уволились с работы и вынуждены были вести затворнический образ жизни. Отсутствие доходов вынуждало их ежегодно ездить на сезонные работы,

чтобы прокормить семью и дать возможность детям-студентам получить образование. Семья убитого С. предприняла четыре попытки убийства родственников из рода кровника. Покушались на двух его братьев, дядю и самого убийцу. Все это время к кровникам посылались примирители, но неизменно получали отказ. Чтобы предотвратить кровопролитие, местные власти прикрепили милицейскую охрану к семьям на время работы примирительной комиссии. Попытки ее членов вновь не увенчались успехом, поскольку каждый раз, когда они приходили в дом покойного, их встречала только мать, которая объявляла следующее: “женщины эти вопросы не вправе решать без мужчин, но если даже они простят, то я сама отомщу”. Такое положение сохранялось 16 лет, пока родственники С. не убили невинного младшего брата Б. У покойного осталось четверо маленьких детей и молодая жена. Это случилось уже в 1990-е годы, когда исламские ценности и исламское поведение стали активно распространяться среди ингушей, поэтому отец покойного Б. сказал, что он прощает убийцу “ради Аллаха”, так как исламские ученые единодушны в том, что и преднамеренное, и непреднамеренное убийство может быть прощено преступнику (ПМА).

Приведем и другой случай. Четыре сельчанина поехали на такси, в безлюдном месте они связали водителя, который был из другого селения. Они угрожали ему, хотели убить. Выбросили его из машины и уехали. Спустя некоторое время машина была обнаружена, и все участники нападения были разоблачены. Дело попытались урегулировать по нормам обычного права: старейшины от всех четырех родов, к которым принадлежали преступники, и местный имам приехали к старейшинам из рода водителя с просьбой простить их и примириться. Родственники отказались простить обиду и собирались отомстить. И тогда имам мечети сказал: “Земля крутится, завтра может быть такая ситуация, что вы уже обратитесь к нам. Неизвестно, что будет, – у тебя тоже будут проблемы. Сегодня представители нескольких тайпов просят у тебя прощения. Неужели их мольбы не могут не затронуть твое сердце?” Именно эти слова оказали влияние: тот сказал, что “ради Аллаха прощает и больше не держит зла” (ПМА).

Приведем пример “многостадиальной” кровной мести, которая закончилась примирением через много лет лишь благодаря уважению участников конфликта к исламским ценностям. В роду одного из наших информаторов Б. еще до 1917 г. был убит глава семейства, у которого остались маленькие дети. У убитого не было родного брата, который мог бы соблюсти обычай кровной мести и преследовать убийцу. Прошло время и подросли дети убитого. Спустя 25 лет сын убитого Б. подстерег кровника Г. и убил его (в конце 1930-х годов). Существовавшая тогда примирительная комиссия не сумела примирить кровников, и уже родственники убитого Г. начали искать возможность отомстить за него. Но случилось непредвиденное: спустя много лет, сын убитого из рода Б. при случайной встрече убил сына убитого позднее из рода Г. Обеспокоенные сложившимся положением дел, родственники с той и другой стороны обратились в шариатский суд с просьбой примирить враждующие стороны и остановить кровную месть, которая тянется уже на протяжении многих лет и вовлекла несколько поколений. Рассмотрев дело, суд пришел к выводу, что они должны примириться ради Аллаха и потомков, дабы не оставлять им такое “наследство”. Решение было одобрено обеими сторонами, и, наконец, спустя более 80 лет произошло примирение (ПМА). В этих случаях ингуши идут на примирение “ради Аллаха”, – это наиболее предпочтительная, как отмечают члены шариатского суда, мотивация во время подобного примирения.

Тем не менее даже при использовании “исламского” фактора бывают трудности в примирении кровников и многолетние неудачи. Вспоминает информатор А.: “Я был подростком, когда мой отец в драке убил соседа. Отец сам явился в милицию с повинной, его судили и посадили на 15 лет. После суда наша семья сменила место жительства, уехав из благоустроенного дома, который был расположен по соседству с кровниками, в другую республику, где нас никто не знал. Пока отец сидел в тюрьме,

мы жили там, не заводя новых знакомств, боясь навлечь на себя беду. Это были годы затворничества и страха за свою жизнь и жизнь близких. Так продолжалось до тех пор, пока отец, отсидев полностью свой срок, не вышел на свободу. Он был очень болен и не хотел оставлять на нас эту тяжелую ношу, поэтому просил старейшин и имама мечети помочь семьям примириться. Несколько раз семья отправляла посыльных в надежде на перемирие, но оно так и не состоялось. Через несколько лет отец умер. Мы надеялись, что теперь, после смерти отца, получить от кровников прощение будет проще. Но переговоры успеха не имели. Семья так и не вернулась в республику, до сих пор мы не знаем, когда туда вернемся” (ПМА).

В современной Ингушетии наряду с имамами первой судебной инстанцией стали и воссозданные в 1990-е годы примирительные комиссии, в состав которых, как правило, входят старшина мюридов¹ *тхамата*, его помощник-исполнитель *турк* и авторитетные члены сельского общества, которые, не доводя дела до шариатского (или российского) суда, сами решают спорные и сложные вопросы.

Примирительные комиссии рассматривают дела, связанные с причинением физического ущерба, а также сложные дела, в результате которых между фамилиями виновного и потерпевшего установились кровнические отношения и семьи находятся в состоянии вражды. Для рассмотрения наиболее сложных вопросов члены примирительной комиссии объединяются вместе с членами сельских советов старейшин. Если их знаний и сил недостаточно для урегулирования конфликта, они передают дело на рассмотрение в гражданский или шариатский суд.

Для того чтобы дело было рассмотрено в примирительной комиссии, требуется добровольное обращение хотя бы одной из конфликтующих сторон. Выслушав жалобу, члены комиссии стараются найти компромиссные решения, которые удовлетворили бы обе стороны. В целях склонения сторон к миру члены комиссии прибегают к различным формам мотивации: это уважение к старшим и старейшинам, а также любовь к Аллаху. Люди часто мирятся “ради Аллаха”. Это главная мотивация в “успешных” примирениях.

Если примирительной комиссии удастся разрешить конфликт, то на заключительной стадии процедуры конфликтующие стороны должны в знак примирения подать друг другу руки и поклясться, что по данной проблеме между ними в будущем не возникнет претензий. Как правило, данное слово не нарушается, потому что авторитет лиц старшего возраста все еще высок и цена данного слова тоже (Албогачиева 2007: 102). Это вторая “санкция” в достижении успешных примирений.

В настоящее время при урегулировании сложных конфликтов, когда в первичном конфликте произошло умышленное убийство, примирители назначают выплату компенсации, размеры которой диктуются потерпевшей стороной.

Переселение в другое место как форма предотвращения мести. Чаще всего в тех случаях, когда кровникам не удастся примириться, семья виновного на время или навсегда переселяется на жительство в другой регион. Житель сел. Плиево рассказал нам историю своей семьи. В период гражданской войны его дед в драке случайно убил односельчанина. Но будучи больным человеком, он спустя несколько недель скончался, а кровная месть перешла к сыну. Опасаясь мести со стороны кровников, они уехали из Ингушетии. Спустя 40 лет им удалось примириться с семьей потерпевшего и лишь после этого вернуться на Родину (ПМА). Таких случаев в нынешнее время много. Интересен случай, рассказанный художником М. Паланкоевым: “В конце XVIII в. в Пялинге произошел инцидент, в результате которого один человек погиб. Убийцей оказался Г.П. Кровники объявили, что прощение будет достигнуто в том случае, если эта семья навсегда уедет из Ингушетии. Условие было принято, и семья уехала жить в Кабарду, изменив свою фамилию. Поскольку сторонам не удалось со временем примириться, им пришлось остаться там жить (ПМА).

Приведем другой случай, переданный нам информатором С., которому в 2008 г. исполнилось 85 лет. Его отец в конце 1930-х годов во время ссоры убил односельчанина. Старейшины села неоднократно пытались “примирить” семьи виновного и потерпевшего, однако примирения не произошло, поскольку вдова убитого отказывалась примириться с убийцей. У нее были маленькие дети, и она надеялась, когда они вырастут, то отомстят за убитого отца. Когда сыну покойного исполнилось 18 лет, он сделал попытку убить виновного, но последний остался жив. Боясь преследования, С. вместе с семьей уехал в другой город в Киргизию, не разглашая места своего жительства. Через много лет, уже в 1990-е годы, когда умерла вдова убитого, старейшины вместе с местным имамом вновь попытались заключить перемирие. Для этого виновный специально приехал в родное селение. На этот раз это удалось, и лишь в 2003 г. дети виновного сумели вернуться в свое селение (ПМА).

Этикет кровников. У ингушей сохраняется и так называемый этикет кровников, например, виновный не имеет права посещать мечеть, в которой родственники убитого совершают намаз, ходить на свадьбы и похороны к общим родственникам. Женщины из семьи виновного и потерпевшего не носят светлые одежды и при встрече не разговаривают с кровниками. Из страха кровной мести многие увольняются с работы и бросают учебу. Некоторые ингуши уезжают из родных и обжитых мест и скрывают свое местонахождение, боясь преследования.

В ингушском обществе существуют условия, при которых совершение мести невозможно. Так, согласно правилам ингушского обычного права, нельзя совершать возмездия, когда человек спит, безоружен – безоружен, раздет, кунается и др. В народе всегда порицалось вероломное убийство из-за угла, со спины, из засады, без предупреждения, не окликнув. “Нарушение правил кровомщения всячески осуждалось в ингушском быту. И наравне с этим всячески превозносилось прощение крови за случайное убийство. Так, в народе до сих пор превозносят поступок прославленного абрека Суламбека Гороворжева (Гандалоева), простившего невольного убийцу своего брата” (Зязиков 2004: 169).

Факторы, облегчающие примирение “кровников”. Бывали случаи, когда кровника прощали за смелость и достоинство. По ингушским обычаям, “кровомститель” не должен был скрывать своих намерений; ему следовало объявить врагу, что эта месть за убийство “такого-то” человека. В народе существует легенда: узнав, что кровник выехал из селения, его мститель отправился вслед за ним. Они ехали около часа, кровник ждал, что убийца его брата оглянется и он сможет его убить, но тот ехал спокойно, не прибавляя хода. И когда они приблизились к очередному населенному пункту, кровомститель обогнал своего кровника и сказал: “Почему ты не постарался укрыться и не прибавил ходу, хотя знал, что я преследую тебя. Ты горд и бесстрашен? Ты не боишься возмездия?” Тот ответил: “Я знаю, что ты достойный человек и не станешь стрелять в спину”. За его смелость и самообладание ему была “прощена кровь” (ПМА).

Чрезвычайно интересна полученная нами в ходе полевых опросов информация. Перед лицом общей беды, в трагический день депортации 23 февраля 1944 г., в районе Наьсыр-Корта было проведено общее собрание мужского населения, во время которого на ближайший холм поднимались кровники и всенародно объявляли о перемирии: “При всех этих свидетелях, я прощаю тебе кровь покойного”. Другой пример, связанный с теми же трагическими событиями. По свидетельству другого нашего информанта, в ходе остановки поезда по пути в Казахстан, куда вывозились ингуши, он увидел человека, искавшего своего кровника и говорившего: “Я хочу простить кровь, подскажите, где такой-то...” (ПМА).

Процедура примирения кровников. В тех случаях, когда убийство в первичном конфликте не было умышленным, достичь примирения значительно легче. Так, в ноябре 2009 г. в сумерках водитель легковой машины Х. сбил старика Б., шедшего вдоль трассы. Водитель оказал первую помощь пострадавшему и отвез его в больницу.

Близкие родственники Х. также приехали туда и к родным старика Б., чтобы сообщить о случившемся. С самого первого дня в больнице дежурили родственники Х. и сам водитель. Они проявили свое участие и отправили к близким Б. с дипломатической миссией старейшин. Родственники пострадавшего заявили “О чем-либо говорить, когда наш отец в таком состоянии, мы не намерены”. Две недели старик пролежал в реанимации и умер. В день похорон снова появились старейшины с дипломатической миссией и получили следующий ответ: “Мы хороним своего человека. Никаких разговоров пока быть не может”.

После того, как тело покойного увезли на кладбище, в 12 час. дня снова появились старейшины-дипломаты, а многочисленная родня водителя Х. остановилась на значительном расстоянии от дома – метрах в 500–700. Старейшина рода и члены примирительной комиссии направились во двор дома, где жил погибший. Выразив сочувствие по поводу гибели старика, мулла начал спокойную речь, в которой просил о милосердии друг к другу, прощения кровника, который стал им из-за роковой случайности. “Нас ингушей мало, – говорил он. – Между нами много родственных связей. Мы все родственники друг другу. Мы вместе все пережили тяжелые трагедии народа. Мы нелегко жили в горах, мы теряли близких и родных в депортации, мы умели быть сильными, когда требовали обстоятельства. Быть милосердными – это и быть мусульманами в душе. Аллах прощает тех, кто прощает на земле”. И дальше о том, что это была трагическая случайность, происшедшая в сумерках, когда водитель не мог ожидать, что вдоль трассы идет человек.

Мулла произносил свои слова сидя. Все стояли и слушали. Затем выступил старейшина из рода Б. Он говорил чуть меньше, и, выразив сожаление по поводу случившегося, заявил, что во имя Аллаха и во имя покойного они прощают смерть. Ни сыновья, ни жена умершего, ни дочери ничего не говорили, а молча стояли в гуще людей.

Далее старейшина сказал, что родственникам водителя можно подойти к дому Б., а пострадавшей стороне нужно выйти им навстречу и стать вдоль дороги. Возглавляли группу родственников Б. мулла и старейшины, за ними шли старшие мужчины и далее – молодежь. Группа родных Х. дожидалась процедуры примирения. Получив знак, они, склонив головы, подошли к мужчинами из фамилии Б., и, выражая формулу соболезнования, прошли через всю группу ожидавших примирения.

Затем без лишних эмоций родственники Б. вошли во двор и сели; старейшины, молодые остались стоять. Родственники Х., выждав паузу, со старшими во главе вошли во двор для выражения соболезнования всем родным. После этого мулла сказал слова благодарности, связывая их с именем Аллаха. Все это происходило в то время, когда на кладбище хоронили старика. Ко времени возвращения участников похорон и продолжению обрядового процесса после погребения “кровь была прощена”. На протяжении трех дней похорон родственники Х. приняли участие в расходах на трапезу (ПМА).

Кровная месть за похищение девушки. Похищение девушек в целях устройства дальнейших браков – явление, распространенное на всем Северном Кавказе. В тех случаях, когда девушка наотрез отказывается выходить замуж за похитителя, и возвращается в свою семью, между семьями девушки и похитителя возникают отношения кровной вражды: как правило, похитителя стремятся убить или подвергнуть гонениям. Так, в 1999 г. в Ингушетии была украдена девушка, которая ожидала автобуса на остановке. Ее похититель уже был женат, но у первой супруги не было детей, поэтому он и решил взять в жены другую. Девушка не знала этого человека и категорически отказалась выходить за него замуж, поэтому он был вынужден ее вернуть, однако через несколько дней родственники девушки убили похитителя (ПМА).

Кровная месть в ответ на похищение девушки, как один из фундаментальных институтов обычного права, сложился у ингушей давно и, несмотря на распространение мусульманского права, сохраняется веками. Так, в 1905 г. подобный случай был описан туристом в местной газете “Терские ведомости”. Молодой мужчина, имея жену и

двух детей, безрассудно влюбился в девушку из соседнего села и, не совладав с чувствами, против воли девушки похитил ее. Родственники похищенной потребовали за нее калым в размере 500 руб., две лошади и 50 голов баранов. Похититель, будучи не в состоянии выплатить калым, вынужден был спустя несколько дней вернуть девушку. Родственники за нанесенное оскорбление убили несостоявшегося жениха (*Александров* 1905: 272–274).

Опираясь на современные полевые этнографические материалы, мы постарались показать “живучесть” такого сложного и противоречивого института обычного права, как кровная месть, который, с одной стороны, безусловно, продолжает оставаться инструментом формирования традиционных отношений в ингушском обществе, а с другой, стал мощным сдерживающим фактором успешного экономического и культурного развития Республики Ингушетия.

Примечание

¹ Мюриды принадлежат к двум суфийским орденам или тарикатам – накшбандий и кадырий, в свою очередь подразделяющихся на *вирды*, которые различаются особенностями совершения обряда *зикр* и некоторыми ритуалами.

Источники и литература

- Акты... 1866 – Акты собранные Кавказскою археографическою комиссией. Архив Главного управления наместника Кавказского / Напечатан под редакцией председателя комиссии, ст. сов. Ад. Берже. Тифлис. В типографии Главного управления наместника Кавказского. 1866. Т. IV. Д. 628.
- Албогачиева* 2007 – *Албогачиева М.С.-Г.* Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 75–102.
- Александров* 1905 – *Александров А.А.* Мечь // Терские ведомости. 1905. № 272–274.
- Зязиков* 2004 – *Зязиков М.М.* Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов н/Д, 2004.
- Кок-Коз* 2005 – *Кок-Коз М.* Нормы расторжения брака // Любовь и секс в исламе: Сб. ст. и фетв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005. С. 250–253.
- Леонтович* 1883 – *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883.
- Насушные вопросы 2005 – *Насушные вопросы // Любовь и секс в исламе...* С. 288–295.
- Очерки 1967 – *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I.* Грозный, 1967.
- ПМА – Полевые материалы автора (М.С.-Г. Албогачиевой). Ингушетия: Джейрахский, Сунженский, Малгобекский и Назрановский районы, 2008 г.
- Республика 2004 – Республика Ингушетия: Стат. бюл. № 5. Магас, 2004. С. 68–69.
- РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8809. Л. 19, 19 об.

M.S-G. Albo g a c h i e v a, I.L. B a b i c h. Blood Feud in Contemporary Ingushetia

Keywords: blood feud, Ingush, ethnographic evidence, conciliatory chambers, objects and subjects of feud, forms of feud, etiquette of blood kinsmen

The article discusses the present day state of one of the key institutions of the common law (Adat) of the Ingush. The authors analyze the factors that influence its partial revival (state and republican legal reforms, Islam revival and Sharia, the intensification of activities of so called conciliatory chambers). Special attention is paid to questions on what types of crimes can be settled peacefully and what not, as well as on the particularities of the object and subject of feud. The authors argue about the importance of blood feud as a powerful restrictive factor in the successful economic and cultural development of the Republic of Ingushetia.